Отныне ваш и цвет, и тощий плод.
Плечом к плечу мы встретим день грядущий,—
Так будем жить и так пойдем вперед.
И пусть потомок наш возвеселится,
Узнав, что дружба и за гробом длится. (Пер. В. Левика).

Гора, на которую поднимается герой Гёте, не простая гора, и не об обыкновенной горе, вероятнее всего, говорит Тургенев в своем «пейзажном описании»,— символический подтекст чувствуется уже в приведенных Топоровым строках. Это, конечно же, не «заготовка» к собственной «психологической прозе». Вместе с тем появление отрывка из Гёте в таком интимном жанре, как дневник, не случайно. «Неразличение» исследователем «оригинального» и «заимствованного» в «Дневнике» лишний раз подтверждает справедливость наблюдения самого В. Н. Топорова, прозвучавшего в свое время в известной статье о «Сельском кладбище» Жуковского: «...обживание „чужого“ и вживание в него в русской литературе и жизни конца XVIII — начала XIX в. принимало совершенно особый вид, определяемый серьезностью и, так сказать, „вне“- или „сверхлитературностью“ задачи, ее жизнестроительной направленностью ⟨...⟩ установкой на то, что „чужое“ моделирует и „свое“ и поэтому содержит в себе некое предзнаменование, пророчество» [4, с. 246]. Текст Гёте становится для поэта «своим», обращение к нему — попыткой осмыслить самого себя, свой путь в идеальном поэтическом мире, созданном Гёте, «угадать» свою будущую судьбу.

Процесс усвоения (и даже присвоения!) «чужого» — своего рода «первичная стадия» развития русской лирики конца XVIII — начала XIX в. А одним из высших достижений этого процесса явилась переводческая деятельность В. А. Жуковского, друга и единомышленника Андрея Тургенева. Замечательно, что в 1819 г. Жуковский обращается к тому же «Zueignung» и переводит первые две строфы оригинала. Фрагмент получился настолько завершенным по своей мысли, настолько замкнутым формально, настолько органичным для творчества поэта конца 1810-х годов, что имеет смысл говорить о совершенно законченном «своем» стихотворении:

Взошла заря. Дыханием приятным
Сманила сон с моих она очей;
Из хижины за гостем благодатным
Я восходил на верх горы моей.
Жемчуг росы по травкам ароматным
Уже блистал младым огнем лучей,
И день взлетел, как гений светлокрылый!
И жизнью все живому сердцу было.

Я восходил; вдруг тихо закурился
Туманный дым в долине над рекой,
Густел, редел, тянулся и клубился
И вдруг взлетел, крылатый, надо мной,
И яркий день с ним в бледный сумрак слился,
Задернулась окрестность пеленой,
И, влажною пустыней окруженный,
Я в облаках исчез, уединенный...

Если у Гёте стихотворение об Искусстве, о великой миссии поэта, получающего в дар от Богини волшебное покрывало поэзии и спускающегося вниз, к людям, то у Жуковского — размышления о своей *жизни* (ср. «моя гора» вместо «из моей хижины» Гёте!), о неизменном, торжественном шествии за благодатным гением, в вышину, сокрытую от взора и слова, но тайно предчувствуемую. В первых